

5. Распад Советского Союза (осень 1990 — зима 1991)

Три названные выше проблемы господствовали в политических дебатах последнего года существования Советского Союза. Именно они послужили катализатором политического кризиса, который в декабре 1991 г. привел к распаду СССР и отставке Горбачева, президента политической целостности, ушедшей в небытие.

С точки зрения политического анализа год с осени 1990 до зимы 1991 г. делится на три части:

— период до подписания 23 апреля 1991 г. Горбачевым, представлявшим союзный центр, и руководителями девяти республик (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан, Азербайджан) документа, известного как «Заявление 9+1», в котором декларировались принципы нового союзного договора. Достигнутое принципиальное согласие было важнейшим условием прекращения все более обострявшегося конфликта между председателем Верховного Совета России Б.Ельциным, бесспорным лидером в лагере сторонников решительного продолжения реформ, и президентом СССР М.Горбачевым, желавшим сохранить хрупкое равновесие между реформаторами и консерваторами и соблюсти интересы центра перед лицом возраставших требований со стороны республик, добивавшихся самостоятельности, суверенитета и даже полной независимости. На фоне этого противостояния, и питаемая им, между парламентами России и Союза развернулась настоящая «война законов», парализовавшая всякую конструктивную деятельность, с каждым днем усугублявшая экономический кризис, неэффективность органов управления, особенно на местах, порождавшая все более очевидный «вакуум власти»;

— период, отмеченный с конца апреля 1991 г. своего рода «перемирием», казалось установившимся в отношениях Ельцина и Горбачева, взаимно обеспокоенных падением авторитета какой бы то ни было государственной власти. Горбачев повел более тонкую политическую игру, перестав систематически прибегать, как это проявилось во время январских событий в Вильнюсе, к использованию консервативных сил для создания «противовеса» Ельцину. Тем временем политическое и экономическое положение в стране настолько ухудшилось, что в августе стала возможной попытка консервативных сил осуществить государственный переворот;

— период после провала путча 19 — 21 августа 1991 г., когда поражение, нанесенное лагерю консерваторов, катастрофически ускорило распад Союза, привело к упразднению прежних государственных структур, включая КГБ, приостановлению деятельности и последующему запрету КПСС. Менее чем за четыре месяца на месте прежнего СССР возникло новое и весьма неустойчивое геополитическое образование: Содружество Независимых Государств (СНГ).

Переходя к более обстоятельному рассмотрению этих периодов, напомним, что первый открытый конфликт между сторонниками Горбачева и Ельцина разразился в октябре 1990 г. во время обсуждения альтернативных проектов экономической реформы. 11 октября, выступая на пленуме ЦК КПСС, Горбачев высказался в поддержку варианта, представленного председателем Совета Министров СССР Рыжковым. Этот план, предусматривавший в конечном счете переход к «настоящим» ценам, освобождение заработной платы, повышение самостоятельности предприятий, социальную защиту безработных, появление которых неминуемо должна была вызвать его реализация (к 2 млн. официально признанных осенью 1990 г. в течение года предстояло присоединиться еще 10 млн. человек), сразу же подвергся критике со стороны авторов конкурирующего проекта, известного как «Программа 500 дней», получившего поддержку Ельцина и большинства российских парламентариев. Г.Явлинский, заместитель председателя Совмина РСФСР, и затем Б.Ельцин 17 октября выступили в российском парламенте против «возврата к административно-командной системе». «Программа 500 дней», одобренная народными депутатами РСФСР несколькими неделями раньше, заявил Ельцин, торпедирована уже первыми мерами, предпринятыми в соответствии с президентским планом. Взаимоисключающий характер двух программ не вызывал сомнений. 1 ноября Ельцин призвал российский парламент проголосовать за закон, который бы гарантировал экономические основы суверенитета РСФСР передачей в российскую собственность находящихся на ее территории природных ресурсов. Несмотря на пространные объяснения Горбачева, поддержанного академиками Абалкиным и Аганбегяном, что интеграция рынка на союзном уровне посредством контролируемой центром межреспубликанской кооперации позволяет совместить «здоровую конкуренцию» республик с их самой широкой экономической самостоятельностью, сторонники Ельцина отказались от какого то бы ни было компромисса, убежденные в скором провале президентского плана.

Ноябрь был отмечен ужесточением позиций политических протагонистов, 14 ноября «Московские новости» опубликовали «открытое письмо» Горбачеву признанных сторонников перестройки, озаглавленное «Страна устала ждать!». «Власть не может или не хочет лечить больное общество», — говорилось в нем. «Господин Президент, — заключали авторы «открытого письма», — или подтвердите свою способность к решительным действиям, или уходите в отставку». Реакцией консерваторов был переход в наступление. 28 ноября министр обороны Язов, потребовав «восстановить порядок в стране и обеспечить проведение призыва в армию», обрушился на «национал-экстремистов», а 12 декабря председатель КГБ Крючков в примечательном телевизионном выступлении связал последних с некоторыми радикальными течениями, «идеологически и материально поддерживаемыми иностранными спецслужбами». 4 декабря Горбачев сделал важную уступку консерваторам, отправив в отставку с поста министра внутренних дел сторонника реформ В.Бакатина и назначив на эту должность Б.Пуго, а его первым заместителем генерала Б.Громова. Перед новым руководством МВД была поставлена задача развернуть борьбу с организованной преступностью, а также против националистических и центробежных тенденций. Несколькими неделями позже Горбачев убедил народных депутатов СССР, собравшихся на свой четвертый съезд, избрать вице-президентом страны Г.Янаева. Этому серому аппаратчику и консерватору было отдано предпочтение перед другой кандидатурой на этот пост — блистательным Э.Шеварднадзе. Министр иностранных дел с шумом ушел в отставку 21 декабря, заявив с трибуны съезда о надвигающейся угрозе реакционного переворота и установления диктатуры. Несмотря на страстные выступления реформаторов за предоставление подлинной самостоятельности республикам, большинство съезда проголосовало за сохранение СССР. Таким образом, в последние дни 1990 г. соотношение сил, казалось, резко изменилось в пользу консерваторов.

В действительности же никогда противоречие между президентскими указами и деятельностью местных властей не было :толь велико. В течение всей осени происходило усиление центробежных тенденций. На Украине состоявшийся в конце октября II съезд Руха, главного украинского национального движения, провозгласил «борьбу за независимость Украины и ненасильственное восстановление независимой и демократической республики». В Грузии после победы на выборах националистов из движения «Свободная Грузия» республиканский парламент под председательством З.Гамсахурдии одобрил программу, предусматривающую «переход к суверенной и полностью независимой Грузии». В Нагорном Карабахе продолжалась эскалация вооруженного конфликта между армянскими формированиями и подразделениями азербайджанской милиции, поддерживаемой специальными частями Советской Армии. Как и раньше, сохранялась сильная напряженность в Прибалтике, которую не сняли прошедшие 4 октября в Москве переговоры между представителями Союза и литовскими руководителями о поэтапном переходе к независимости.

23 ноября республикам был представлен очередной вариант проекта нового союзного договора. В его обсуждении приняли участие все республики, за исключением Прибалтийских и Грузии. Хотя из проекта исчезли упоминания о социализме и «Союзе Советских Социалистических Республик» уступил место «Союзу Советских Суверенных Республик», влияние центра ощущалось в каждой статье и этого варианта договора. Вместе с тем уже во время представления этот проект принадлежал прошлому: тремя днями раньше, 20 ноября, было заключено двустороннее соглашение между Россией и Украиной, по которому две республики признавали суверенитет друг друга и необходимость экономического сотрудничества без участия центра на основе равенства и взаимной выгоды. Еще через два дня аналогичный договор был подписан между Россией и Казахстаном. Этими соглашениями, заявил Б.Ельцин, создается модель нового Союза и стержень, вокруг которого он будет образован.

В начале января 1991 г., после решения Министерства обороны СССР использовать войска для проведения в Литве и Латвии призыва молодежи в армию, напряженность в этих республиках резко возросла. 12 января в ходе операции Советской Армии по захвату здания литовского телевидения в Вильнюсе было убито 16 человек. Эта акция, с энтузиазмом встреченная литовским Комитетом национального спасения, созданным из противников независимости республики, военных, консерваторов, и частью прессы (давно разделившейся на два лагеря), привела к окончательному расколу интеллигенции, которая до этого в своем большинстве поддерживала Горбачева. 16 января «Московские новости» вышли в траурной рамке и с недвусмысленной «шапкой» на первой полосе: «Преступление режима, который не хочет сходить со сцены».

События в Вильнюсе, повторившиеся через несколько дней в Риге, резко обострили конфликт между реформаторами и консерваторами. 22 января Б.Ельцин решительно осудил применение силы в Прибалтийских республиках. 26 января союзное правительство объявило о введении с 1 февраля совместного патрулирования милицией и военными улиц крупных городов под предлогом усиления борьбы с ростом преступности. Грохот сапог раздался в атмосфере, и без того предельно напряженной после событий в Прибалтике и «сюрприза», преподнесенного населению правительством, 24 января 1991 г. объявившим об изъятии из обращения пятидесяти- и сторублевых купюр. Эта мера, вызвавшая всеобщую панику и столпотворения перед сберегательными кассами (для обмена банкнот населению было предоставлено всего три дня), должна была, по словам премьер-министра В.Павлова, «нанести смертельный удар по теневой экономике». В действительности же государство изъяло лишь около пяти процентов той суммы, которую оно надеялось вывести из обращения, чтобы оздоровить внутренний рынок. Немедленным и, по существу, единственным ощутимым результатом этой операции стали возмущение и рост недовольства населения, истерзанного посреди зимы нескончаемыми трудностями со снабжением продуктами.

Собравшийся в начале февраля пленум ЦК КПСС подтвердил решимость консервативных сил взять реванш. Участники пленума обратились к гражданам страны с патетическим призывом «выступить против антикоммунистической истерии, разжигаемой врагами перестройки». Горбачев заранее отказался признать результаты готовившегося в Литве референдума по вопросу о независимости, объявив его антикон-

ституционным (10 февраля более 90% принявших участие в референдуме жителей Литвы высказались за независимую и демократическую республику). 21 февраля, в разгар захлестнувших Москву, Ленинград и другие крупные города демонстраций и контрдемонстраций, Ельцин в выступлении по телевидению потребовал ухода Горбачева в отставку и роспуска Верховного Совета СССР. В ответ Горбачев обвинил «так называемых демократов» в «стремлении дестабилизировать страну» в преддверии общесоюзного референдума по вопросу о сохранении СССР, назначенного на 17 марта. Последующие недели были отмечены все более ожесточенным противоборством между российскими реформаторами, которые, получив в свое распоряжение телевизионный канал, с новой энергией повели борьбу за немедленную отставку Горбачева, роспуск союзного парламента, передачу власти «Совету Федерации», который бы составили первые лица республик, за признание референдума 17 марта простой формальностью, не имеющей реального значения, и консерваторами всего Союза, настаивавшими на фундаментальной важности этого «совета с народом», однозначно, по их мнению, высказавшегося за сохранение целостности Советской Родины. Требования реформаторов получили мощную поддержку со стороны ведущих организаций независимого рабочего движения, возникших во время летних забастовок 1989 г. прежде всего в угольных бассейнах Донбасса, Кузбасса и Воркуты. В 1991 г. шахтеры начали забастовку 1 марта, требуя теперь уже не только увеличения заработной платы в связи с объявленным повышением после 2 апреля розничных цен, но и отставки Горбачева, роспуска Верховного Совета СССР, национализации имущества КПСС, реальной многопартийности, департизации предприятий и организаций. По существу, процесс департизации шел уже с осени, когда на сотнях предприятий рабочие и забастовочные комитеты отстранили от дел парткомы и официальные профсоюзные органы и заняли их помещения. Вновь, как в 1917 г., стала очевидной недееспособность официальных структур, в полной мере проявился «вакуум власти» — прежде всего на местах. Хаос в органах государственного управления еще больше увеличился после референдума 17 марта, который не только не внес ясности в споры о содержании союзного договора, призванного скрепить новый Союз, но и, напротив, оказался лишенным всякого смысла, поскольку каждая республика организовывала его на свой лад, добавляя по своему усмотрению новые вопросы, а некоторые просто отказались от его проведения. Согласно результатам референдума, 80% россиян поддержали проведение всеобщих выборов собственного президента, и только около 50% москвичей и ленинградцев и 40% киевлян выразили желание сохранить Союз в предложенном виде.

Двусмысленные итоги референдума быстро затмило ужаснувшее население повышение цен (от 2 до 5 раз), вызвавшее тем большее негодование, что заработная плата была увеличена в среднем лишь на 20 — 30% («минимальная» — и самая распространенная — компенсация была установлена в 60 руб. в месяц). На следующий день после ввода в действие новых цен сотни трудовых коллективов присоединились к бастующим шахтерам. Наиболее массовые стачки прошли в Минске, наглядно показав, насколько выросло и радикализировалось после лета 1989 г. самосознание рабочего класса: не ограничившись экономическими требованиями, рабочие выступили против социально-политической системы в целом, выдвинув лозунги отставки Горбачева и всего союзного правительства, отмены всех привилегий, упразднения КГБ, восстановления в полном объеме частной собственности на землю, проведения свободных выборов на основе многопартийности, департизации предприятий и передачи их под юрисдикцию республик. В апреле число бастующих перевалило за миллион; забастовки продолжались в течение нескольких недель и были приостановлены, лишь когда власти приняли требования рабочих, прежде всего в части перехода предприятий под республиканскую юрисдикцию и прекращения перечисления прибыли (особенно валютной) в союзный бюджет.

Было ли согласие Б.Ельцина поставить 23 апреля в Ново-Огареве свою подпись под «Заявлением 9+1», заключив таким образом своего рода «перемирие» с М. Горбачевым, попыткой остановить нараставший в стране хаос или же в его подоплеке лежали тактические расчеты, продиктованные приближавшимися выборами президента РСФСР? В заявлении представители девяти республик и Горбачев подчеркивали необходимость скорейшего заключения нового союзного договора. Состоявшийся

в Ново-Огареве в мае — июле многочисленные встречи выявили, однако, значительные расхождения и противоречия: если одни настаивали на конфедеративных принципах, то другие желали сохранения более тесных отношений, то есть федерации. Эти две антагонистические тенденции наиболее последовательно отстаивали, с одной стороны, Россия и вслед за ней Украина, самая неуступчивая в своих требованиях из республик, а с другой — председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов, убежденный сторонник политико-экономического централизма. Неисправимый оптимист, М. Горбачев стремился на каждой встрече продемонстрировать продвижение вперед и обещал, что новый союзный договор будет готов к подписанию в июле, перед его визитом в Лондон на встречу глав семи ведущих капиталистических государств.

Между тем внимание общественного мнения и средств массовой информации было приковано к первым всенародным выборам президента РСФСР. В борьбе за голоса избирателей приняли участие шесть кандидатов, однако, как писала «Российская газета», 12 июня народ России должен будет сделать выбор между демократами и коммунистами, между Б.Ельциным и маразмом. Напротив, для ТАСС, отражавшего предпочтения союзного правительства и М.Горбачева, который все же воздержался от участия в российских политических дебатах, «хорошим» кандидатом был В.Бакагин, «представляющий политическую линию президента СССР и олицетворяющий центристскую «золотую середину» между радикальным популизмом Б.Ельцина и технократическим консерватизмом Н.Рыжкова». Бесспорная победа Ельцина уже в первом туре, которому отдали свои голоса около 57% принявших участие в выборах избирателей (пришедший вторым Рыжков собрал лишь 16%), означала обретение им нового статуса как в глазах мирового сообщества, так и на внутривнутриполитической арене. Президентство Б.Ельцина представало тем более законным и весомым, что его постоянный оппонент М.Горбачев был избран президентом СССР на Съезде народных депутатов, где демократические процедуры постоянно нарушались различного рода манипуляциями. Победа Ельцина означала также сокрушительное поражение коммунистической партии, за пять лет потерявшей, по сделанному Горбачевым на состоявшемся в июле пленуме ЦК признанию, более пяти миллионов своих членов, общее число которых сократилось с 21 до немногим более 15 млн.

В начале июля ряд видных политических деятелей, в числе которых были Э.Шеварднадзе и А.Яковлев, призвали к созданию новой массовой политической партии — «Движения демократических реформ». Несколькими неделями позже на пленуме ЦК КПСС Горбачев добился отказа от всякого упоминания в основополагающих партийных документах «марксизма-ленинизма». Накануне пленума, 24 июля, он торжественно объявил о том, что «работа над союзным договором завершена» и что документ «открыт для подписания» (хотя в действительности окончательный текст, распространенный ТАСС только 14 августа, содержал больше вопросов, чем ответов). В ходе ново-огаревского процесса республикам удалось отстоять многие свои требования, и сравнение его с предшествующим вариантом, опубликованным в конце июня, показывало, что Горбачев должен был пойти на дополнительные уступки по ряду позиций. Так, русский язык, оставшись «языком межнационального общения», перестал быть «государственным языком»; главы республиканских правительств участвовали в работе союзного кабинета министров с правом решающего голоса; предприятия военно-промышленного комплекса переходили в совместное ведение Союза и республик. В то же время текст страдал из-за нечеткости формулировок многих принципиальных положений, чреватой возможными разночтениями и конфликтами. Означало ли, например, с точки зрения международного права признание «суверенных государств», выступавших субъектами союзного договора, «полноправными членами мирового сообщества», то, что они могут вступить в Организацию Объединенных Наций и иметь собственные посольства? Важнейшие статьи, 5-я и 6-я, разграничивавшие компетенции Союза и республик, также изобиловали противоречиями и двусмысленностями. Полностью ли переходили в собственность республик природные ресурсы, наиболее ценные и доходные из которых находились на территории РСФСР? Но если Россия получала полные права на все, что добывалось (и затем производилось) на ее гигантской территории, то что же оставалось Союзу? Столь же мало был урегулирован и принципиальный вопрос о союзных налогах. По всей видимости, восторжествовала точка зрения, защищаемая Ельциным, согласно кото-

рой союзный бюджет должен был формироваться за счет согласованных с республиками фиксированных отчислений из республиканских бюджетов; однако не уточнялось, кто будет взимать этот налог — союзные органы или республиканские. Без решения оставался и вопрос о статусе шести республик (Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Молдовы и Эстонии), не собиравшихся подписывать союзный договор. Уже накануне официального представления текста Украина дала понять, что при любом решении оставшихся спорных вопросов она не подпишет договор до принятия своей конституции; тем временем мусульманские республики Средней Азии, не ставя центр в известность о своих намерениях, заключили между собой двусторонние соглашения.

Для консерваторов все эти проекты и уже предпринятые шаги означали не что иное, как «распродажу Советской Родины» и похороны КПСС. Подписанный Ельциным 20 июля указ о департизации, запрещавший деятельность партийных организаций и их комитетов на государственных предприятиях и в учреждениях (узаконивший фактически сложившуюся ситуацию на многих из них), стал для консерваторов последней каплей.

Утром 19 августа ТАСС передал сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП), в который вошли 8 человек, в числе которых были вице-президент СССР Янаев, премьер-министр Павлов, председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов, министр внутренних дел Пуго. Заявив о том, что президент СССР Горбачев, находившийся на отдыхе в Крыму, «по состоянию здоровья не может исполнять свои обязанности», ГКЧП объявил о своем намерении восстановить порядок в стране и предотвратить развал Союза. Чрезвычайное положение устанавливалось на шесть месяцев, вводилась цензура. Однако, встретив народное сопротивление, возглавленное президентом РСФСР Ельциным, путч провалился. Нерешительность и раскол в войсках, растерянность путчистов, впавших в прострацию перед лицом не предвиденной ими реакции москвичей (а также ленинградцев, жителей других крупнейших городов), десятки, а затем сотни тысяч которых стихийно собрались перед зданием российского парламента, ставшего оплотом сопротивления новоявленной хунте, колебания введенных в Москву войск, так и не решившихся «разметать» (термин одного из отданных им приказов) противостоявших им безоружных людей, поддержка Ельцина большинством правительств стран мира и международным общественным мнением — в своей совокупности все эти факторы обусловили то, что менее чем за трое суток попытка государственного переворота была ликвидирована. Вечером 21 августа Горбачев вернулся в Москву, однако к этому времени Ельцин, вышедший главным победителем из этого испытания, по выражению одного французского политического деятеля, «завоевал себе погоны главы государства».

Неудача попытки государственного переворота, продемонстрировавшая невероятный рост общественного сознания и политической зрелости масс (главный фактор, проигнорированный путчистами, убежденными в своей способности безнаказанно повторить «дворцовый переворот» 14 октября 1964 г., в результате которого был устранен Хрущев), резко ускорила распад СССР, привела к утрате Горбачевым его влияния и власти, к упразднению прежних институтов центральной власти. В последовавшие за провалом путча дни восемь республик заявили о своей независимости, а три Прибалтийские республики, уже добившиеся их признания международным сообществом, 6 сентября были признаны и Советским Союзом. М. Горбачев, несмотря на вновь подтвержденную им приверженность коммунистическим идеалам, оставил свой пост Генерального секретаря ЦК КПСС и распустил Центральный Комитет (со своей стороны союзный парламент вернул себе предоставленные им ранее Горбачеву особые полномочия в экономической области). Деятельность КПСС была приостановлена, а несколько недель спустя и вовсе запрещена Ельциным. За счет изъятия из компетенции КГБ ряда важных функций и управлений эта организация была сильно сокращена. Произошло полное обновление политического истеблишмента (от руководителей средств массовой информации до членов правительства), в который пришли реформаторы и приближенные Ельцина, сразу же закрепившие новое положение рядом постановлений парламента.

Горбачев, желая сохранить центр и тем самым свой пост, предложил новый — но слишком напоминавший о прошлом — вариант союзного договора. Однако политические позиции президента СССР были уже слишком ослаблены путчем, последним (?) натиском консерваторов, и день за днем он все больше превращался в «президента в кавычках», президента Советского Союза, который более не был единым государством.

1 декабря более 80% населения Украины высказалось за независимость своей республики. Неделями позже президенты России, Украины и Белоруссии, собравшись в Минске, констатировали, что «Советский Союз более не существует». Ими было провозглашено образование «Содружества Независимых Государств», открытого «для всех государств бывшего СССР». 21 декабря на встрече в Алма-Ате (куда, как и в Минск, Горбачев приглашен не был) к СНГ присоединились еще восемь республик, подтвердив тем самым кончину СССР. В этих условиях Горбачеву не оставалось ничего иного, кроме как объявить о прекращении исполнения им функций президента СССР в связи с исчезновением самого государства.

1991 год имеет большие шансы войти в историю как завершение начатого в 1917 г. эксперимента, в 1922 г. приведшего к образованию Союза Советских Социалистических Республик.

Нежизнеспособность системы, которая в течение семи десятилетий в форме СССР была фактической наследницей бывшей царской империи, породила больше проблем, чем оказалась в состоянии решить. Несмотря на всю неопределенность будущего, одно не вызывает сомнений: то, что происходит на наших глазах, определяет будущее не законченного еще обновления и, стало быть, рождающейся — и также очень хрупкой — демократии.